

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА / POLITICAL CULTURE

Серия «Политология. Религиоведение»
2017. Т. 21. С. 86–96
Онлайн-доступ к журналу:
http://izvestia_polit.isu.ru/ru/index.html

ИЗВЕСТИЯ
Иркутского
государственного
университета

УДК 323.1(571.1/.5)

Сибирский мультикультурализм: психологические и политологические аспекты и проблемы^{*}

А. Д. Карнышев, Ю. А. Зуляря

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Мультикультурализм понимается в теории и практике в качестве ориентации, которая предусматривает как сохранение культурной самобытности и особенностей всех этнокультурных групп, так и контакт, участие всех групп в большом плюралистическом обществе. На основе соответствующих фактов развития аборигенных сообществ азиатской части России исследователями введено понятие «сибирский мультикультурализм». Определены психологические предпосылки эффективного развития мультикультурализма: повсеместное принятие культурного разнообразия как ценности для общества; относительно низкий уровень негативных гетеростереотипов, отсутствие дискриминации; положительные взаимные отношения между этноконфессиональными группами, а также их ощущение принадлежности к большому обществу и отождествление себя с ним у всех индивидов (уровень гражданской идентичности). Мультикультурализм в таких районах России, как Байкальский регион, позволяет признать самобытность культур местных народов, одновременно ограничивая претензии на исключительность прав определенной этнической группы на эти территории.

Ключевые слова: этнокультурные меньшинства, мультикультурная идентичность, разнообразие, патриотизм, самобытность народов, коммуникативная компетентность, политкорректность.

В американской психологической энциклопедии есть статья о мультикультурном консультировании. В ней дается следующее определение мультикультурализма: общая (родовая) теория, основанная на признании как культуроспецифичных характеристик, которые различают, так и общекультурных, которые объединяют. Мультикультурализм был назван «четвертой силой» в дополнение к психодинамической, поведенческой и гуманистической психологии. Считается, что на Западе интерес к межкультурному консультированию вырос из движения за гражданские права и феминистского движения. Многие принадлежащие к меньшинствам авторы внесли свой вклад в оформ-

^{*} Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ № 15-06-10673 «Факторы и особенности формирования патриотизма и межнационального согласия у молодежи Азиатской России».

ление и развитие мультикультурной перспективы, в фокусе которой первоначально находилась «проблема подавления меньшинств культурой большинства» [15, с. 422].

Авторы книги по кросс-культурной психологии (Д. Берри и др.) мультикультурализм идентифицировали в качестве ориентации, которая предусматривает *как* сохранение культурной самобытности и особенностей всех этнокультурных групп, *так и* контакт, участие всех групп в большом плюралистическом обществе [9, с. 405].

Д. Мацумото вводит понятие «*мультикультурные идентичности*», содержание которого поясняет следующим образом: «Термин “культурная идентичность” относится к психологическому членству индивидов в определенной культуре. Поскольку культура является психологическим конструктом – общей системой правил, – понятно, что люди могут обладать не только какой-то одной культурной идентичностью, но в некоторых случаях двумя и или более подобными идентичностями... Если определять культуру как психологический конструкт, существование мультикультурных идентичностей предполагает наличие множественных психокультурных систем представлений в умах мультикультурных индивидов» [12, с. 69–70].

В целом авторы большинства работ считают, что стратегия интеграции различных групп может существовать лишь в обществах явно мультикультурных, в которых утверждены определенные психологические предпосылки. К ним относятся: повсеместное принятие культурного разнообразия как ценности для общества (наличие положительной *мультикультурной* идеологии); относительно низкий уровень предубеждений (минимальный этноцентризм, расизм и дискриминация); положительные взаимные отношения между этнокультурными группами (никаких особых проявлений межгрупповой ненависти), а также ощущение принадлежности к большому обществу и отождествление себя с ним у всех индивидов и групп [9, с. 383].

В теории особенно интересен вопрос о рассмотрении патриотизма в первую очередь как гражданской идентичности и мультикультурализма. Патриотизм означает принадлежность человека к чему-то общему, и в этом смысле он в чем-то противостоит социальному разнообразию, в том числе этническому и культурному. И здесь возникает определенное противоречие: «Тот, кто признает разнообразие культур, склонен недооценивать или затушевывать человеческое единство, тот же, кто видит человеческое единство, склонен считать вторичным разнообразие культур. Надо, напротив, понять единство, которое обеспечивает разнообразие и благоприятствует ему, и разнообразие, которое встроено в единство» [13, с. 276]. Последняя закономерность, на наш взгляд, возможна только в условиях высокой адекватной самооценки субъектов, стоящих на разных полюсах. Это подтверждается исследованиями нашей лаборатории психолого-экономических и кросс-культурных исследований [см. 4–8].

Сибирская политологическая мысль также видит негативизм в ряде мультикультурных тенденций, прежде всего связанных с вопросами этничности. «Тенденция роста национального самосознания, политика мультикульту-

рализма, рост влияния нехристианских религий отвергает наличие единых культурных стандартов. В различных субкультурах возникают собственные автономные иерархии культурных ценностей и внутренних стандартов» [см. 3, с. 18]. Этнические и некоторые другие меньшинства оказывают свое влияние на особенности социальных процессов в странах, в которых они находятся. В первую очередь это касается развития конфликтных отношений, порой независимо от того, какой статус эти меньшинства имеют в обществе.

Стоит напомнить, что К. Левин еще в 30-е гг. XX в. видел фундаментальную специфику групп меньшинств в их уничиженности, слабой вере в собственные силы. «Межгрупповые конфликты не могут быть разрешены без изменения определенных аспектов поведения и чувств меньшинства. Одно из самых значительных препятствий на пути улучшения – это, по-видимому, пресловутый недостаток уверенности и низкая самооценка большей части меньшинств» [11, с. 383]. На наш взгляд, сейчас маятник качнулся в другую сторону: многим меньшинствам привита столь высокая самооценка, что именно она становится детерминантой амбициозного отношения ко всему обществу и, отсюда, причиной конфликтов. Осуществлять коррекцию позиций и поведения групп такого рода гораздо сложнее, чем меньшинств во времена Левина. К тому же в обществе еще не накоплен соответствующий опыт.

При этом, рассматривая особенности формирования коллективных самооценок этнических меньшинств в разных государствах и при разных условиях, не стоит забывать о наличии международных документов о правах и преференциях для данных групп. Именно разные акты и конвенции, призванные прежде всего заботиться о нормальном существовании мультикультурных сообществ, в том числе мигрантов и беженцев, зачастую ставят их в положение привилегированных групп, вызывая часто необоснованные чувства собственной исключительности. Первоначально разные льготы подкреплялись надеждой, что меньшинства, получив государственную защиту и поддержку, вскоре примут те же ценности, что свойственны истинным гражданам, со временем они обретут такие же способности и компетенции, смогут проходить такие же проверки, выполнять такие же обязанности и, следовательно, получать такое же вознаграждение. И это станет основой их адаптации в обществе. Но далеко не всегда такие планы сбывались.

Основой позитивного отношения к меньшинствам в мультикультурном обществе считается феномен толерантности. В его содержании главным является терпимость к окружающим, даже если их позиции и поведение не соответствуют нашим ожиданиям. В этом существенные плюсы феномена. Правда, в последнее время в СМИ и интернете сомнению подвергается безусловная ценность толерантности и некоторых ее частных свойств. Данную проблему мы попытались уточнить в кросс-культурном исследовании, сделанном на базе данных опроса студентов вузов некоторых сибирских регионов России (Владивосток, Иркутск, Кемерово, Кызыл, Томск, Улан-Удэ, Чита) и разных стран (табл. 1). Методики и процедуры соответствовали международным требованиям.

Таблица 1

Оценка респондентами актуальности понятия «толерантность»
и возможных «исключений» в его содержании, %

Вариант ответа	Национальности респондентов и оценки вариантов						
	Русские (N = 946)	Буряты (N = 219)	Тувинцы (N = 156)	Монголы (N = 200)	Китайцы (N = 356)	Франция (N = 60)	Другие (N = 21)
Считаю содержание понятия «толерантность» значимым и актуальным во всех современных ситуациях	58,1	63,0	73,1	34,5*	60,1	62,9	47,6*
Слово хорошее, но его лучше не использовать по отношению к мигрантам	12,6	12,8	12,2	19,5	12,8	0,0	9,5
Слово хорошее, но его лучше не использовать по отношению к лицам с нетрадиционной сексуальной ориентацией	10,1	6,8	5,1	22,5 *	13,4	0,0	0,0
Слово хорошее, но его лучше не использовать по отношению к различиям в религиозных взглядах	4,2	5,0	2,6	10,5	6,6	29,7 *	4,8
Слово лучше вообще не использовать из-за накопившихся в его содержании противоречий	8,4	7,3	3,8	10,0	1,6	0,0	33,3 *
Другое	1,0	0,9	0,0	0,5	1,1	7,4	0,0

* – помечены значимые различия от 0,1 до 0,5.

Обращая внимание на определенные заметные расхождения в оценке некоторых деталей понятия у монголов, французов и представителей других национальностей, мы все же подчеркиваем здоровое отношение сибирских студентов к толерантности. А ведь Запад нередко старается оттенить негативные позиции россиян по данным вопросам. Ряд приведенных в табл. 1 отношений служит для нас источником аналогий в анализе проблем мультикультурализма.

Этнические аспекты мультикультурализма. Н. Лебедева говорит о том, что основа успешной стратегии аккультурации иноэтничного населения – интеграция: тенденция сохранения собственной культурной принадлежности наряду с тенденцией овладения культурой «титального» этноса. «В этом случае единственная идеология и политика доминирующего общества – мультикультурализм, т. е. позитивное отношение к наличию в обществе различных этнокультурных групп и добровольная адаптация социальных институтов общества к потребностям разных культурных групп» [10, с. 277].

Пример Сибири здесь особо впечатляет. Проживание в полиэтничных регионах уже давно вызвало к жизни у аборигенов и русских старожилов меж(би)культурную компетентность, т. е. способность людей нормально функционировать, а зачастую и эффективно сотрудничать в рамках двух и более культурных особенностей (например, у бурят, эвенков и других аборигенов в религиозных ориентациях уже в царской России наблюдалось двоеверие (шаманизм и христианство), а то и троеверие (плюс буддизм). Аналогичные явления возникли в области хозяйствования, природопользования и т. д. Все это позволяло уже в конце XIX – начале XX в. ученым и практикам видеть позитивную роль сохранения и просвещения жителей национальных окраин. Все более живучими становились идеи, что если нацменьшинства будут не просто сохранены, но обретут больше знаний о собственной истории и почувствуют гордость за свою «малую родину», они окажутся более приспособленными к тому, чтобы принимать участие в общероссийской деятельности, интегрироваться в российскую жизнь и воспитать в себе любовь к российскому отечеству [см. 17, с. 77].

Русские люди чаще всего становились проводниками соответствующей практики взаимодействия. Некоторых путешественников по Сибири удивляло отношение русских к языческим символам аборигенов. Один из них – Ухтомский – еще в XIX в. писал: «...проезжая по Забайкалью, я различал на горах обоны (кучи камней и хвороста), наваленные, чтобы отгонять злых духов от бурятских улусов. И раздражася дух мой и дивился я веротерпимости русского человека, который перстом не коснется суеверных чтилищ» [18, с. 51]. Путь к взаимоприемлемому межнациональному согласию становился улицей с двусторонним движением. Таким образом, в течение длительного времени функционировал так называемый сибирский мультикультурализм, опыт и традиции которого могут быть успешно использованы сегодня.

Кстати, польский социолог доктор наук Э. Новицка, использовавшая понятие «сибирский мультикультурализм», сопровождала его некоторыми размышлениями. Этнические процессы, которые сегодня можно наблюдать в Сибири, напрямую связаны с национальной структурой региона, а шире – всего Российского государства. Можно выделить две параллельные тенденции – первая направлена на презентацию и популяризацию культуры бурятов, другая акцентируется на региональном мультикультурализме под флагом Российского государства и российскости. Мультикультурализм в таких районах России, как Байкальский регион, позволяет признать самобытность культур местных народов, одновременно ограничивая претензии на исключительность

прав определенной этнической группы на эти территории. Это является стимулом для развития мультикультурного сознания и мультикультурного характера региона за последние два десятилетия [см. 14].

Сибирские впечатления о политкорректности западного мультикультурализма. Краткий анализ означенного в подзаголовке аспекта мультикультурализма один из авторов статьи хочет провести на примере своей поездки во Францию. Несколько женщин из Иркутска и Бурятии, находившиеся в составе нашей делегации, были в вечернее время ограблены на улицах Сен-Дени – пригорода Парижа, совершенно недалеко от станции метро. Автору лично тоже пришлось увидеть напавших молодчиков, правда, мужчину они «оставили в покое», но смотрели вызывающе. Ситуация развивалась быстро и стремительно. Несколько молодых людей афро-арабской внешности, «черные молнии», уверенно наскокивали на женщин, роняли их на мостовую и вырывали сумки. Причем специализировались они на приезжих иностранцах. В нашем случае количество жертв (7 человек) превзошло количество нападавших, поэтому грабителями был использован обходной маневр: они вроде бы исчезли, но через некоторое время по неосвещенным улицам вновь вернулись к двигающейся группе пострадавших и повторили свое «действие». Российские участники научных обменов, которым пришлось испытать подобное, потом говорили, что такого рода приемы у нападающих постоянно повторяются, несмотря на крики и вопли потерпевших и невольное наличие свидетелей. Данная ситуация характеризует уверенность нападавших, понимающих, что ни окружающие граждане, ни полицейские (которых в таких пригородах мало) не ввяжутся в защиту иностранцев. И это – особый вид толерантности.

Для нас, пострадавших участников данного инцидента, самым сложным оказалось после события попасть в здание полиции: на трех «кордонах» пришлось пояснять, кто мы и зачем. Хорошо, что с нами были срочно вызванные французы – организаторы нашей поездки. Особо поразила реакция некоторых «копов», к которым мы обратились вскоре после происшествия. Во-первых, сами блюстители закона в офисе находились «за семью замками» и только через кордоны и расспросы пропустили к себе «заявителей». Во-вторых, каких-либо оперативных мер они принимать не стали, хотя после нападения прошло минут 15–20 и можно было бы что-то обнаружить по горячим следам. Они попросили написать заявления и пообещали в скором времени разобраться с происшествием. А в «скором» не оказалось ни ответа, ни привета. Осталось ощущение: они сами боятся связываться с преступниками. Позднее нам пояснили, что они опасаются не только возможных физических расправ, но и обвинений со стороны своего начальства в отсутствии политкорректности. Ведь афро-азиатские преступные группы при проведении дознания в первую очередь кричат, что полицейские их дискриминируют по расовым, этническим, религиозным признакам, приписывая несовершеннолетние поступки. Доказать обратное весьма сложно, поскольку жертвы – иностранцы в скором времени уезжают домой, и свидетельств пострадавших не приведешь. Так что недоказанное преступление и по этой причине, и по проявлению нетолерантности к собственным гражданам может стать основой взысканий, барьером для

карьеру и даже причиной увольнения сотрудников. Здесь хочешь не хочешь, а забоишься, и толерантность станешь проявлять только в одну сторону.

Мультикультурализм и сексуальные ориентации. В западных публицистических и научных материалах часто муссируется вопрос о якобы принципиально негативном отношении россиян к сексуальным меньшинствам: геям, трансвеститам и т. п. Одним из главных их аргументов были выступления наших спортсменов в поддержку закона о запрете рекламы сексуальных отклонений для детей. Объяснение, что это лишь одна сторона вопроса, отнюдь не раскрывающая гамму подходов наших соотечественников к сложностям данной проблемы, отменялось. Не бралось во внимание даже определение американской психологической энциклопедии, где транссексуализм, как и трансвестизм, названы *психосексуальными расстройствами* со всеми вытекающими последствиями [см. 15].

Правда, мало кто знает действительные факты из сибирской и азиатской действительности давних лет. С одной стороны, буддизм, проповедуемый восточными народами, и за рубежом, и в самой России с пониманием и отсутствием прямого осуждения относился как к стремлению индивидов изменить свой пол, так и к гомосексуальным контактам. Считалось, например, что такого рода пожелания у мужчины свидетельствовали о том, что в ряде прошлых перерождений (вспомним В. Высоцкого: «хорошую религию придумали индусы») он был существом женского рода и соответствующие позы сегодня овладевают им. У тайских буддистов считается, что такие люди в прошлых перерождениях провинились актами сексуальных извращений, и судьбой им предписано быть другими, чем все люди. Таких носителей природой установленной кармы (судьбы) надо понимать, прощать, но не делать им каких-либо социальных льгот.

С другой стороны, интересны факты, когда шаманы – мужчины сибирских народов (саха-якутов, бурят, тувинцев) считались наиболее сильными, когда они умели уподобляться... женщинам и совершать свои камлания в соответствующем виде. Такие шаманы носили женскую одежду, а в остальном вели обычный образ жизни: имели семью, детей, занимались скотоводством, охотой. И понимание их со стороны соплеменников было стопроцентным.

Обе описанные частности свидетельствуют, что толерантность к «слабостям» полов у многих представителей российских народов «в крови». Неприязнь, отторжение вызывают лишь попытки политически спекулировать данными проблемами или вносить их в перечень каких-то достоинств. Такого рода практика сложилась у многих европейских и в целом западных политиков. Толерантными к таким позициям и таким случаям россиянам быть трудно.

Проблемы и рецепты оптимизации. Необходимо признать, что мультикультуралистическая «идеология» находит хорошие источники подпитки в научно-практических концепциях, в которых речь идет о тех или иных реалиях противоборства меньшинства с большинством. Например, для мультикультуралистов на опыте продвижения инноваций и миссионерских влияний на аборигенные этносы подготовлены своего рода «руководства» (методические рекомендации) для действий. Более того, и существующие работы, и, отчасти,

распространяемый опыт взаимодействия рассматриваемых сообществ позволяют пойти дальше, а именно сформулировать *условия эффективности влияния меньшинства*:

- уверенность в своей правоте, которая выливается в стратегическую последовательность мнений и действий;
- правильный стиль поведения;
- понимание, что реакция большинства поначалу будет носить негативный характер, и что влияние может и будет иметь отсроченный характер («курочка по зернышку клюет»);
- отсутствие «тврдолобости» и «бравирования»;
- «подталкивание» большинства к креативному решению проблемы (возможно, мы не правы, но стоит поискать другие варианты);
- согласие принять на себя негативные последствия своей позиции.

Но далеко не всегда умные руководства становятся основанием действий. Многие мультикультурные меньшинства вообще не имеют о них понятия, и поэтому их реальное поведение часто противоречит общечеловеческим правилам. Приведем две точки зрения известных специалистов на идеологическую сущность данного понятия: «Мультикультурализм – это позорная попытка уничтожить ценности путем заявлений, что невозможно отличить то, что ценно, от того, что ценности не представляет. Это атака не просто против сравнительной оценки культур, но и против ценностей как таковых. Это атака против того, что совершенно необходимо для человеческой жизни, – против идентификации чего-либо как полезного» [16, с. 303]. Другая точка зрения – более массового характера. В Дании в начале 2016 г. вышла книга «Ловушки мультикультурализма», 15 авторов которой, из Дании и Швеции, едины в том, что мультикультурализм представляет собой угрозу культуре демократии, индивидуальной свободе личности и особенно представителям культурных меньшинств. Мультикультурализм в книге представлен как «мягкий тоталитаризм», который отрицает индивидуальность в пользу групповой идентичности и конформизма и морально осуждает всех несогласных.

Студенты сибирских вузов не столь категоричны в своих мнениях о мультикультурализме, что выявило наше исследование. В опросах число негативно относящихся к данному понятию (39,0 %) лишь в полтора раза превысило «позитив» (23,4 %). Отвечая на наш вопрос о причинах подобной ситуации, наши молодые респонденты (N = 638) отметили следующее (табл. 2).

Мнение молодежи Сибири и Дальнего Востока и о мультикультурализме, и о причинах его неприятия неоднозначно, но именно оно побуждает искать решение вопросов, которое лучше всего реализовать в российских регионах. По аналогии с первым вариантом ответов режиссер Н. Михалков, к примеру, в сентябрьском номере АиФ 2015 г. подчеркнул агрессивную и антипатриотичную в глазах коренного населения роль мигрантов. Он высказался в том духе, что беженцы в Европе – это полные сил и энергии молодые люди, представляющие совершенно иную цивилизацию и придерживающиеся совершенно иных ценностей. Режиссер считал, что подобное положение не могло не закончиться негативными последствиями. Террористические акты, осуществ-

ленные в европейских городах в конце 2015 и в 2016 гг. *гражданами* западных стран – выходцами из Азии и Африки, подтвердили это мнение. Важно не допускать такого развития ситуации в России.

Таблица 2

Причины неприятия мультикультурализма в оценках студентов

Наиболее значимые причины	Ответов, %
Прибывающие в разные государства беженцы не стремятся соответствовать требованиям страны, в которую приехали.	29,2
Общество недостаточно формирует толерантность в отношениях между людьми.	26,3
Таковы политические тенденции в ряде государств.	25,7
Естественная агрессивность личности находит выход прежде всего в межэтнической сфере.	20,1
Во многих сферах нет должного социального контроля за негативными поступками людей.	16,6
Это вытекает из негативной сущности природы человека.	14,7
От случайностей никто не застрахован.	13,8
Другое	0,9

Список литературы

1. *Бло И.* Россия Путина / И. Бло. – М. : Кн. мир, 2016. – 240 с.
2. *Вахтин Н. Б.* Русские старожилы Сибири: Социальные и символические аспекты самосознания / Н. Б. Вахтин, Е. В. Головкин, П. Швайцгер. – М. : Нов. Изд-во, 2004. – 292 с.
3. *Зуляр Ю. А.* Парадигма и идеология общества позднего модерна / Ю. А. Зуляр // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2016. – Т. 18. – С. 11–28.
4. *Иванова Е. А.* Взгляд представителей разных азиатских народов на причины, влияющие на возникновение межнациональных конфликтов / Е. А. Иванова // Вестн. Кемер. гос. ун-та. – 2015. – № 3 (63). Т. 3. – С. 134–137.
5. *Карнышев А. Д.* Предвзятость и самомнение как факторы манипулирования санкциями в контексте установок Запада и Востока / А. Д. Карнышев // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2015. – Т. 12. – С. 115–122.
6. *Карнышев А. Д.* Межкультурная компетентность и межэтническая толерантность студентов / А. Д. Карнышев, О. А. Карнышева, Е. А. Иванова // Социология образования. – 2013. – № 6. – С. 62–79.
7. *Карнышева О. А.* Этническая смешанность – несмешанность семей как фактор межнационального согласия и патриотизма / О. А. Карнышева // Вестн. Кемер. гос. ун-та. – 2015. – № 3 (63), Т. 3. – С. 143–148.
8. *Качимская А. Ю.* Отношение старшеклассников и студентов к представителям разных национальностей / А. Ю. Качимская // Вестн. КемГУ. – 2015. – № 3 (63), Т. 3. – С. 8–14.
9. *Кросс-культурная психология. Исследования и применение / Дж. Берри [и др.].* – Харьков : Гуманит. центр, 2007. – 560 с.
10. *Лебедева Н. М.* Этническая и кросскультурная психология / Н. М. Лебедева. – М. : МАКС Пресс, 2011. – 424 с.
11. *Левин К.* Разрешение социальных конфликтов / К. Левин. – СПб. : Речь, 2001. – 408 с.

12. *Мацумото Д.* Психология и культура / Д. Мацумото. – СПб. : ЕВРОЗНАК, 2002. – 416 с.

13. *Морен Э.* Образование в будущем: семь неотложных задач / Э. Морен // Синергетика. Антология. – М. ; СПб. : Центр гуманист. инициатив, 2013 – С. 247–322.

14. *Новицка Э.* Этнофестивали: Алтаргана, Ёрдынские игры. Развитие сибирского мультикультурализма / Эва Новицка // Образы, традиции и культура межнационального мира и согласия: монография / науч. ред. А. Д. Карнышев. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014. – С. 398–416.

15. Психологическая энциклопедия / под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. – 2-е изд. – СПб. : Питер, 2006. – 1096 с.

16. *Рэнд А.* Возвращение примитива: Антииндустриальная революция / А. Рэнд. – М. : Альпина Паблишер, 2015. – 347 с.

17. *Тольц В.* «Собственный Восток России»: политика идентичности и востоковедение в позднимперский и раннесоветский период / В. Тольц. – М. : Нов. лит. обозрение, 2013. – 336 с.

18. Ухтомский Э. Э. Из области ламаизма: к походу англичан на Тибет. Конец XIX века / Э. Э. Ухтомский. – 2-е изд. – М. : Кн. дом «Либроком», 2012. – 136 с.

Siberian Multiculturalism: Psychological and Politological Aspects of the Problem

A. D. Karnyshev, Yu. A. Zulyar

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. In theory and practice multiculturalism is seen as a tendency that involves both preservation of cultural authenticity and specific features of all ethno-cultural groups, and contact and participation of all groups in a large pluralistic society. On the basis of relevant factors of development of autochthonous communities in Asian part of Russia the authors introduce the concept “Siberian multiculturalism”. Psychological background for successful multiculturalism development is identified. It includes all-round acceptance of cultural diversity as a great value for the society, relatively low level of negative hetero-stereotypes, lack of discrimination, favorable attitude among ethno-confessional groups and their sense of affiliation with a larger society and identification of every person with it (stage of civil identity). In such Russian regions as a Baikal region multiculturalism makes it possible to recognize cultural authenticity of local peoples, limiting at the same time particular ethnic group claims on exclusive rights on possession of the territory.

Keywords: ethno-cultural minorities, multicultural identity, diversity, patriotism, cultural authenticity, communicative competence, political correctness.

Карнышев Александр Дмитриевич
доктор психологических наук, профессор,
кафедра культурологии и управления
социальными процессами, заведующий,
лаборатория психолого-экономических и
кросс-культурных исследований,
Институт социальных наук
Иркутский государственный университет
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1

Karnyshev Aleksandr Dmitrievich
Doctor of Sciences (Psychology), Profes-
sor, Department of Cultural Studies and
Social Processes Controlling, Head of the
Laboratory of Psychological, Econom-
ic and Cross-Cultural Research, Institute
of Social Sciences
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003

тел.: 8(3952)670049

e-mail: ale3441@yandex.ru

Зуляр Юрий Анатольевич

доктор исторических наук, профессор,

декан, исторический факультет

Иркутский государственный университет

664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1

тел.: 8(3952)243995

e-mail: uzulyar@yandex.ru

tel.: 8(3952)670049

e-mail: ale3441@yandex.ru

Zulyar Yuriy Anatolievich

Doctor of Sciences (History), Professor,

Dean, Faculty of History

Irkutsk State University

1, K. Marx st., Irkutsk, 664003

tel.: 8(3952) 243995

e-mail: uzulyar@yandex.ru